

ЧУДОВИЩА С УЛИЦЫ ПУШКИНА

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
ЧУДОВИЩА С УЛИЦЫ ПУШКИНА

1. ДРАКОНЬЕ ЛЕТО

Драконье лето
•
Заповедник монстров

Ждите продолжение истории!

Олег Кожин

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Иллюстрацию на обложке нарисовала
Дарья Стерх (Каверна @karaverna)

Кожин, Олег Игоревич.
К58 Драконье лето / Олег Кожин. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Чудовища с улицы Пушкина. Городская мистика и ужасы).

ISBN 978-5-04-191680-0

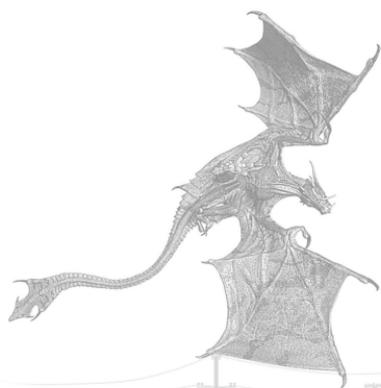
Добро пожаловать в Петрозаводск, столицу Карелии! Но если вы думаете, что эта книга о достопримечательностях и красотах природы, вас ждёт сюрприз. Потому что она о страшных и странных созданиях, о чудовищах и жутких чудесах — и о подростках, живущих в Петрозаводске на улице Пушкина. Сами того не желая, эти ребята оказались в центре опасных приключений...

Олег Кожин — лауреат премий «Мастера ужасов», «Чертова дюжина» и др. Повесть «Драконье лето» вошла в шорт-лист всероссийской премии «Книгуру». Автор живёт в Петрозаводске.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191680-0

© Кожин О., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Драконье ЛЕТО

Сима

Если откроешь дверь незнакомцу, он может похитить тебя или даже совсем убить. Сима знала: когда сидишь дома одна, к дверям лучше вообще не подходить. Но сейчас дома был папа, отсыпался после ночной смены. С папой ничего не страшно! Он может двенадцать раз поднять гирю правой рукой и десять раз левой и даже может сдвинуть шкаф, чтобы достать потерянный радужный шарик. Сима пробовала двигать шкаф, но силенок пока хватало только на табуретку.

Эту самую табуретку она, пыхтя от усердия, тащила с кухни. Дверной звонок дребезжал требовательно, но папа спал как убитый. Час назад забот-

ливая Сима поставила ему в изголовье стакан воды и натянула на плечи ватное одеяло. Папа одеяло отпихивал и что-то недовольно мычал, но так и не проснулся. Когда запиликал мобильник, он просто придушил его подушкой. Даже глаз не открыл. А звонка в дверь он, наверное, и вовсе не слышал.

— Минуточку! — по-взрослому строго сказала Сима закрытой двери.

Нужно было встать на табуретку, заглянуть в глазок и спросить: «Кто там?» — этот нехитрый алгоритм Сима выучила еще в три года. А теперь ей почти четыре с половиной! Звонок притих, сменился настойчивым стуком.

— Доча, это я! Открой, пожалуйста...

Толстая дверь совсем не заглушала звонкий мамин голос. Он как будто звучал в самой прихожей и, усиленный подъездным эхом, гулко троился.

— Мамочка! — радостно воскликнула Сима, поворачивая защелку.

Она не встала на табуретку, не заглянула в глазок. Это незнакомцам нельзя открывать, а мама — знакомец! Мама удивится и обрадуется, что дочь такая самостоятельная, погладит ее по голове и назовет взрослой и помощницей, а папу назовет

сплюхой! Защелка хрустнула, с той стороны мама нажала ручку, потянула на себя... Но дверь не открылась.

— Симочка, в чем дело?! Открой скорее! — настойчиво попросила мама.

— Сейчас, сейчас!

Старый замок иногда заедало. В таких случаях мама отчитывала папу за то, что он ленится сходить в строительный магазин, а папа говорил нехорошее слово. Со старым замком можно было жить — нужно было только надавить на него хорошенько и резко проверить. Механизм дважды лязгнул вхолостую. Ручка заходила ходуном, затряслась дверь.

— Сима, в чем дело? Открой эту чертову дверь! — голос мамы звучал сердито.

— Да сейчас же, сейчас, мамочка!

Сима обиженно надула губки. Разве она виновата? Разве на нее нужно злиться, что замок плохо работает, а кое-кто опять не взял ключи? Сима бросила взгляд на тумбочку возле зеркала, где лежала забытая мамой связка, и вдруг опасно отодвинулась в глубь коридора. Ключей не было. Она сама сунула их маме в руку утром, перед ра-

ботой — звонко чмокнула в румяную щеку и вложила в протянутую ладонь связку. Дверь затряслась сильнее:

— Сима, я сказала, открой мне дверь, живо! Слышишь меня! Живо открой чертову дверь! Если открою я — будет хуже!

Сделалось холодно. Сима зябко обняла себя, потеряла плечи. Ладони оказались потными, и стало только хуже. Странно, но злой мамин голос не сделался тише. Мамин? А мамин ли это голос? Самым строгим в семье был папа, он и прикрикнуть мог — но мама? Мягкая, теплая, пахнущая выпечкой и духами мама? Даже когда они ссорились с папой, она никогда не повышала голоса! Сима придвинула табуретку и, пока не покинула решимость, отодвинула шторку глазка.

— Ты слышишь меня?! Я сказала, открой мне дверь! Впусти меня! Быстро впусти меня! Открой! Открой! Впусти меня в дом!

Сима отшатнулась и едва не сверзилась с табуретки. Коридор был пуст. Дверь вибрировала от ударов, тряслась ручка, захлебывался звонок, и голос, так похожий на мамин, говорил страшные, страшные, страшные вещи, но коридор был пуст.

— Открой дверь! Живо открой мне дверь, я кому сказала?! Ты не представляешь, что я с тобой сделаю, маленькая паршивка! Слышишь?! Впусти! Меня! Сейчас же!

За дверью выло и бесновалось то, что не было мамой. В комнате на кровати звездочкой раскинулся папа. Он негромко сопел и, казалось, ничего не слышал. Сима забилась в проем между стеной и шкафом, плакала и тряслась от ужаса.

Старый замок заедало. Иногда это было к лучшему.

Жан

Сильвера подкосило на третий день каникул. Тоха с Юркой играли на детской площадке в «лесенку», по очереди подтягиваясь на счет, и видели, как у шестого подъезда остановилась покрытая пылью машина «Скорой помощи». Спустя десять минут замученные санитары в мокрых от пота голубых робах, пытая и отдуваясь, вытолкали на улицу тележку с пациентом. Следом вышли молоденькая врачиха и понурый Серый. Они о чем-то коротко

поговорили, после чего санитарка укатила в больницу, а Серый поплелся к друзьям на площадку.

Юрка, в очередной раз проигрывая, поспешил воспользоваться случаем. Пошел на встречу Серому, протягивая ладонь для рукопожатия. Тоха с победоносной ухмылкой завершил серию, зависнув на перекладине, гаркнул: «Семнадцать!» — и спрыгнул на землю. Взъерошил ежик рыжих волос, стянул промокшую майку. Полуденное солнце превратило небольшой петрозаводский двор в филиал пекла. Лишь на детской площадке, в жидкой тени пожухших тополей, можно было сидеть, не боясь получить тепловой удар.

— Привет, Серёня! Че кислый такой? Лимон съел?

— Сильвера в больницу увезли, — вместо приветствия проямлил тот. — С сердцем что-то. Он вчера звонит такой, говорит, типа молоко закончилось, масло, ну и всякое там. Я за списком продуктов зашел, думал заодно и полы помыть, как раз время подошло, а он в прихожей валяется. Сипит, глаза пучит, белый весь — чисто зомби! Я чуть на улицу не сквозанул!

В компании Серый был старше всех на целых два месяца, но на фоне друзей выглядел мелкотой. Невысокий, тощий, белобрысый, вечно обряженный матерью в дурацкие рубашки поло, у которых менялся только цвет и расположение кармана, он никак не тянул на восьмой класс. Тонкие губы его заострились уголками вниз, придавая лицу совсем уж обиженно-детское выражение. Приступ Сильвера Серый переживал как свой собственный.

Ивана Георгиевича Авдеева прозвали Сильвером из-за моряцкого прошлого и протеза, заменившего левую ногу от колена до стопы. Он не курил трубку и не пил ром, но от его морщинистого смуглого лица веяло солеными морскими брызгами. В глаза Сильвером его называли только мальчишки — знали: как бы старик ни хмурился, на самом деле прозвище ему льстит.

— Во как! — присвистнул Юрка. — Что врачиха сказала? Помрет?

— Сплюнь! — Серый замахал руками. — Он со мной за прошлый месяц не рассчитался, обещал в этом за два сразу. Такая засада, блин...

— Дааа... — с притворной грустью протянул Юрка. — Плакал твой иксбокс...

— Замолкни уже, блин! Хватит! — окрысился Серый.

— Пацаны, брейк, — примирительно прогудел Тоха. — Сильвер мощный дед, выкарабкается.

Запиликал домофон, и из третьего подъезда, сиганув через все крыльцо, вылетел Жан со спортивной сумкой через плечо. Из сумки торчала рукоять меча, перемотанная вытертым кожаным ремешком. Короткая широкая гарда щерилась боевыми зарубками. С виду как настоящая. И не скажешь, что вместо клинка — обшитая утеплителем трубка. Откинув с лица длинную соломенную челку, щурясь от яркого солнца, Жан оглядел двор. Заметив ребят, вразвалочку направился к площадке.

— Тоха. Юрец. Серый.

Жан хлопал протянутые ладони, точно пере считывая друзей. Тряхнул головой, отбрасывая волосы, вроде как невзначай засветил золотую серьгу в левом ухе. Мочка все еще была красной и распухшей. Восьмой класс без троек в годовом аттестате дался Жану непросто, зато родители обещание сдержали. Родители Жана всегда играли честно, и это работало. Когда за выпускной ат-

тестат без троек светит что-то по-настоящему крутое, любой мальчишка поневоле задумается.

— Оторвут, на фиг, в первой же драке. — Тоха щелкнул по сереге ногтем.

— Могут попытаться, — ухмыляясь, поправил Жан.

Тоха неодобрительно покачал головой.

— Слышал, Сильвера в морг увезли?! — встрял Юрка.

— Чего несешь, трепло?! В больницу, а не в морг, — зло поправил его Серый. — Откуда бы он услышал? Пять минут назад «Скорая» уехала.

Жан нетерпеливо отмахнулся:

— Да Сильвер каждые полгода в больничку катается! Вы лучше вот что... Клео во дворе не видели?

Мальчишки помотали головами. Клеопатра — двухгодовалый сфинкс, лысая и уродливая, как все сфинксы, была любимицей родителей Жана и абсолютно домашней кошкой. Увидеть ее на улице можно было только в переноске, во время семейной вылазки на природу или поездки к ветеринару.

— Печалька... — Жан вздохнул, почесал макушку. — Дома духотища, все окна нараспашку, бал-